

ПУГОВКА

(РАССКАЗ ГАРДЕРОБЩИЦЫ)

На гардеробе работала я тогда. Как-то много людей было, руки заняли полта принимать - конференция или совещание какое, уж и не помню. Только вижу, заходит он. Я сразу узнала. Идет через вестибюль, здоровается со всеми, а сзади его в белом полушубке идет, ни на шаг не отстаёт.

Подходит он ко мне, улыбается, поздоровался приветливо, пальто снял, хочет подать, а не успел - тот, в белом то полушубке, взял у него пальто.

- Товарищ Михеев, - говорит он, - зачем?

Но тот уж подает его мне. Повесила я пальто.

- А номерок? - говорит он.

- Да я и так Вам выдам, - говорю я. - Чего уж Вам с номерком-то хлопотать.

- А не забудете? - сказал он и засмеялся.

- Не забуду, не забуду.

Повесила я и полушубок, и пошли они вдвоем по лестнице в зал. Слышу, все зашлопали. Потом запели, «Интернационал», должно быть. А потом тишина, через вестибюль никто не ходит больше, присела я отдохнуть.

Так вот он какой, Ленин. Небольшого роста, как все. Лысый. А приветливый, веселый, разговорчивый.

«Дай, - думаю, - посмотрю, в каком пальте-то он ходит». Уж такое, знаете, наше женское любопытство.

Пальто неплотное, драп хороший еще, черный. Подкладка из шелка, на

ватине - теплое. И воротничок из каракуля, небольшой, правда, скромный. Видно, конечно, что ношено оно. Года три-четыре ему будет. И полушубок я посмотрела. Конечно, с пальтом не сравнить. Новый, добротный, а уж теплее-то. Поди, в нем, и говорить нечего.

Села я и пораздумалась. Может, и не увижу Ленина-то больше. Дай, думаю, пуговицу у него с пальто возьму, ему-то все равно, а мне на память останется. Взяла я ножницы и так аккуратно, чтоб драп не повредить, пуговку и состригла. И тут меня как прострелило: ой, ведь не ладно я сделала, заругают меня, может, ему это не понравится. Может, пришить назад?

Только поздно уже, слышу: в зале гром, шум, двери распахнулись и по лестнице бегом мчатся первые, скорей одежду получить. Почти все оделись, потом и Ленин подходит.

Подала я пальто ему.

- Не забыли? - говорит, а сам смеется.

- Да нет, - говорю.

Оделся он и вдруг говорит:

- Пуговица!

Так сердце у меня и упало. Думаю, не заметит.

- Что, Владимир Ильич? - спрашивает в белом полушубке.

- Пуговица. Нет пуговицы. Была и нет. А помню, сам пришивал. Надежда Константиновна хотела, а я говорю: отдохни, пришью сам.

А этот, в полушубке, и смотрит на

меня. Вижу, что догадался. Может, и не догадался, но чего-то боязно мне стало, я и говорю:

- Это я, Владимир Ильич. Вы уж извините меня.

- Вы, - удивился он. - А зачем Вам пуговица такая?

- Да на память, - говорю. Об Вас.

Он как будто смутился, а потом опять улыбнулся:

- Так спросить бы надо.

- А Вы бы тогда не отдали.

- И то верно, - засмеялся он. -

Нельзя пуговицами разбрасываться, в хозяйстве всякая мелочь важна. Ну что ж, до свидания. - Пожал он мне через барьер руку и этому, в полушубке, шепотком: - Товарищ Михеев, побеседуйте с гражданкой, - и пошел по вестибюлю.

Этот, в полушубке, посмотрел на меня, а глаза у него, ровно шилья, так и колот, и говорит:

- Ты, старая вешалка, на что тут приставлена: полта стеречь или пуговицы казенные воровать? В Чека захотела?

У меня и язык отнялся, стою, как немая, слова вымолвить не могу.

- Давай ее сюда, - говорит он, протягивает ладонь, а она у него, что лопата, схватит такой ладонью, и дух вон.

Подала я пуговицу, догнал он Ленина, что-то сказал ему, и оба они засмеялись.

А я в этот же день уволилась с работы да уехала к брату в деревню. От греха подальше.